

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА /
THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.41.27>

АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД В КОНТЕКСТЕ ТРАНСЛИНГВИЗМА

Научная статья

Харитоновна Е.В.^{1*}, Сычѣва А.В.²

¹ORCID : 0000-0002-2607-7028;

²ORCID : 0000-0002-4018-6087;

¹Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Российская Федерация

²Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (eharitonova[at]yandex.ru)

Аннотация

Авторы статьи полагают, что активно дискутируемые сегодня понятия транслингвизма и транскulturации могут с успехом применяться в исследованиях, посвященных изучению особенностей авторского перевода – перевода билингвокультурным писателем своего произведения на другой язык. Переводчик-автор, как полновластный хозяин оригинала, имеет своего рода *carte blanche* действий при выборе той или иной переводческой стратегии, в результате перевод, выполненный автором, может располагаться где угодно в весьма широкой области между полюсами исходной и целевой культур. В отличие от переводчика, задача которого – знать, но не отождествлять себя ни с одной из взаимодействующих в процессе перевода лингвокультур, автор-переводчик может пойти по пути создания транслингвального текста, в котором гармонично сочетаются элементы как языка оригинала, так и языка перевода.

Ключевые слова: лингвокультура, полилингвальная творческая личность, транслингвизм, транскulturация, авторский перевод.

AUTHOR'S TRANSLATION IN THE CONTEXT OF TRANSLINGUISTICS

Research article

Kharitonova Y.V.^{1*}, Sichyova A.V.²

¹ORCID : 0000-0002-2607-7028;

²ORCID : 0000-0002-4018-6087;

¹Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

²North-Eastern State University, Magadan, Russian Federation

* Corresponding author (eharitonova[at]yandex.ru)

Abstract

The authors of the article suggest that the notions of translanguistics and transculturation, actively debated today, can be successfully applied in the studies dedicated to the research on the specifics of author's translation – translation by a bilingual writer of their work into another language. The translator-author, as the sovereign master of the original, has a kind of *carte blanche* of action when choosing a particular translation strategy, as a result, the translation made by the author can be located anywhere in a very wide area between the poles of the source and target cultures. Unlike the translator whose task is to know but not identify with any of the interacting linguocultures in the translation process, the author-translator can take the path of creating a translanguingual text which harmoniously integrates elements of both the source and the target language.

Keywords: linguoculture, multilingual creative personality, translanguistics, transculturation, author's translation.

Введение

Еще не так давно полилингвальная творческая личность считалась явлением достаточно редким. Однако сегодня в результате глобальной мобильности и усиливающихся миграционных процессов появляется все больше билингвокультурных писателей, создающих свои произведения на неродном для них языке. Как отмечает З.Г. Прошина, «деятельность «культурно-мобильных писателей» <...> привела к созданию специфического вида художественной литературы – транслингвальной, или транскulturальной, в которой симбиозно сочетаются традиции нескольких культур, например, болгарской и немецкой (Илија Трoјанoв), русской и французской (А. Макин), русской и немецкой (Wladimir Kaminer, Lena Gorelik), русской и американской (Olga Grushina, Anya Ulinich, Lara Vapnyar, etc.), китайской и англо-американской (Maxine Hong Kingston, Ha Jin, etc.), китайской и французской (Dai Sijie) и т.п.» [1, С. 7]. При этом автор совершенно обоснованно отмечает, что транслингвальную литературу «ни в коей мере не следует ассоциировать с переводной литературой, ибо это литература, созданная писателем-билингвом на неродном для него языке» [1]. Соглашаясь в общем с выводом автора, уточним, что транслингвальная литература хоть и не относится к переводной литературе, с переводом все же, на наш взгляд, связана, хоть и опосредованно. О характере этой связи и пойдет речь в данной статье.

Методы и принципы исследования

Настоящая работа выполнена в рамках транслингвального/транскulturального направления исследований, нацеленных на изучение различных форм языкового смешения, в результате которых происходит частичное стирание лингвистических и культурных границ. Основным методом исследования являются сопоставительное изучение

лингвокреативных характеристик художественных текстов, созданных писателем-транслингвом на родном и приобретенном языках. Материалом исследования послужили оригинал романа *Ground Up* М. Идова [2] и его автоперевод на русский язык («Кофемолка» [3]).

Основные результаты

Поскольку предметом нашего исследования является авторский перевод как особая форма художественного транслингвизма, остановимся подробнее на специфике последнего. А.А. Ривлина пишет о том, что в результате творчества писателей-транслингвов возникает некая новая, «промежуточная» лингвокультурная модель, в основе которой заложена идея гармоничного сочетания традиций разных культур, а также некоторая гибридизация на лингвистическом уровне, поскольку «языковые элементы, которые до этого существовали отдельно друг от друга в двух разных языковых системах, в транслингвальной практике взаимодействуют друг с другом, образуя новое единство» [4, С. 23]. Это еще раз подчеркивает правильность замечания З.Г. Прошиной, которое мы приводили выше: транслингвальную литературу не стоит отождествлять с переводной литературой. Данный вывод исследователя представляется нам верным не только потому, что транслингвальная литература – это оригинальное речетворчество, а перевод – вторичный вид деятельности. Дело еще в том, что культурный симбиоз и тем более гибридизация, столь характерные для транслингвальной литературы, чаще всего нежелательны и даже недопустимы в случае перевода национальной литературы, адресованной своему читателю и созданной в рамках «внутренней культуры». Присутствие национальной культуры языка оригинала в тексте перевода обязательно и понятно, в то время как включение в перевод элементов принимающей культуры может привести к искажению, а иногда и к подмене содержания исходного текста.

Разграничивая понятия «транслингвальная» и «переводная» литература, мы полагаем важным заметить, что между ними все же есть точки соприкосновения. Одна из них – это «внутренний перевод» (термин В.В. Кабакчи), при помощи которого авторы-транслингвы передают особенности их родной культуры для иноязычного реципиента (подробнее о внутреннем переводе см.: [5]). Вторая – это авторский перевод, который, на наш взгляд, может расцениваться как одна из форм транслингвизма.

Для авторского перевода, так же как и для транслингвальной литературы характерна некоторая раздвоенность, причина которой кроется в том, что переводчик-автор, в отличие от обычного автора и читателя, видит переводимое произведение «изнутри», из-за чего неминуемо возникает соблазн что-то изменить, где-то поправить, а местами и просто переписать. Одним из убедительных примеров подобного «переписывания» оригинала может послужить история перевода автобиографии В. Набокова. Книга была издана в трех вариантах: *Conclusive Evidence* (оригинал), «Другие берега» (автоперевод) и *Speak, Memory* (обратный автоперевод). Как писал сам Набоков в предисловии к «Другим берегам», автоперевод на русский выявил существенные недостатки английского сочинения, поскольку при написании *Conclusive Evidence*, память автора, по его собственным словам, «была настроена на один лад – музыкально недоговоренный, русский, – а навязывался ей другой лад, английский и обстоятельный» [6, С. 14]. В результате Набоков обнаружил, что точный перевод на русский практически невозможен, так как подлинник изобилует пробелами и лишними пояснениями. «Другие берега» – значительно измененные и дополненные – заставили автора переосмыслить оригинал, который был издан заново под названием «Память, Говори» (*Speak, Memory: an Autobiography Revisited*). В. Набоков назвал свой обратный перевод «повторным англизированием русской переделки»: ‘re-Englishing of a Russian re-version of what had been an English re-telling of Russian memories in the first place’ [7, С. 12]. При этом сам автор отметил, что переиздание «оказалось невероятно трудной задачей» [7, С. 13].

Разумеется, творчество на приобретенном языке и авторский перевод с родного языка на приобретенный (или наоборот) – это далеко не одно и то же, но сама возможность переработать свой оригинал, придать ему новые оттенки, по-новому расставить смысловые акценты, иными словами, все те вольности, что может позволить себе писатель, сам осуществляющий перевод своего произведения на другой язык, и что не может себе позволить обычный переводчик, все это сближает автора-переводчика с транслингвальным автором.

Обсуждение

В качестве иллюстрации данного тезиса рассмотрим особенности авторского перевода романа М. Идова «Кофемолка» (в оригинале – *Ground up*). Обращение к творчеству М. Идова – не случайно. Во-первых, это «генезис литератора» о котором пишет И.С. Хугаев (см. об этом подробнее: [8]). М. Идов родился в Риге в 1976 году, учился в Пушкинском лицее. В 1992 году семья переезжает в США в г. Кливленд, штат Огайо, где будущий писатель поступает в Мичиганский университет. После окончания университета Идов начинает работать журналистом и пишет статьи для таких журналов, как *The Wall Street Journal*, *The New York Times*, *Foreign Policy* и т.д. М. Идов прекрасно пишет как на английском, так и на русском языках, а значит его творчество потенциально может рассматриваться в контексте транслингвизма.

Во-вторых, безусловный интерес представляет сам материал исследования – роман *Ground up*, который хоть и написан автором не на родном, а на приобретенном языке, тем не менее все же не относится, на наш взгляд, к транслингвальной литературе. В то время как его автоперевод «Кофемолка», обладает всеми признаками транскультуральности. Прежде чем перейти, собственно, к анализу текстов, кратко остановимся на истории их создания. В 2009 году М. Идов выпускает книгу *Ground Up* [2]. В романе рассказывается об истории семейной пары из Нью-Йорка, Марка и Нины, которые принимают решение заняться бизнесом и открыть кофейню в духе венских традиций. Практически сразу после публикации романа, Михаил при помощи жены переводит книгу на русский язык, и роман издается в России в 2010 году под названием «Кофемолка» [3].

Мы полагаем, что *Ground up* нельзя отнести к транслингвальной литературе, поскольку предметом описания в романе выступает не родная культура писателя, а приобретенная. Как пишет сам автор в предисловии к роману, «он (роман – прим. авторов) написан на английском языке потому, что не мог быть написан ни на каком другом. Основная его коллизия совершенно чужда русскому складу ума» [3, С. 12]. Таким образом, роман не является инокультурным: он

создавался на английском языке и был адресован «своему» читателю, хоть автор и писал его на неродном языке. Тот факт, что в романе достаточно много ксенонимов-русизмов объясняется тем, что герой «Кофемолки», Марк Шарф, – эмигрант во втором поколении, его родители прибыли в США из Ленинграда. Как говорит сам автор в одном из своих интервью, сделать героя русским было нужно «для стройности повествования»: «Это же такая немножко история американской мечты, в обратном хронологическом порядке: дети преуспевших эмигрантов, начинающие с большой форой, оказываются в результате без копейки денег на Нижнем Ист-Сайде – то есть буквально там, где их дедушки и прадедушки начинали. Откуда они приехали, не так важно. Марк в первом варианте вообще был поляком – на том, что он русский, настоял издатель, это было единственное с его стороны давление на меня» [9]. То есть присутствие иноязычных элементов в романе объясняется не столько культурной гетерогенностью текста, сколько их символической функцией. Недаром сами герои романа – Марк и Нина – на вопрос о том, американцы они или нет, отвечают: «Мы нью-йоркцы». Здесь уместно привести слова А.И. Акопова, сравнившим Нью-Йорк с современным Вавилоном, куда стекаются со всего мира «дети разных народов», создавшие колорит языков, стилей, одежды, обычаев и построек [10]. Именно поэтому в романе помимо ксеноноимов-русизмов много вкраплений из других языков – французского, испанского и т.д.

Переходя к анализу перевода романа М. Идова на русский язык, отметим, что ощущение проницаемости культур – американской и русской – здесь значительно сильнее. В первую очередь, в переводе невольно обращаешь внимание на культурную гибридизацию текста:

– **Ах, полноте**, – прошептала Нина с **пышным британским акцентом**, который на нее иногда находил [3]. Ср.: *"Oh, sod off," said Nina in a posh-Brit twitter that occasionally came over her* [2].

...апофеозом красивой жизни им представлялся комплексный обед «**Дары моря**» во франшизе «**Руби Тьюсдэй**» [3]. Ср.: *I loved them dearly, but their idea of a splurge was an afternoon surf-and-turf at Ruby Tuesday's* [2].

Не следовало ли и мне спать и видеть собственное имя, нахлобученное поверх того или иного редакционного списка, волнистые линии моего лица, лыбящегося с авоськи «**Барнс энд Ноубл**»... [3] Ср.: *Was I, too, meant to dream of my name fluttering atop this or that masthead, my woodcut face grinning from a Barnes & Noble tote...* [2].

– **Мэ-э-эн**, – промычал я голосом старого хиппана и тут же чуть не убил себя за глупость. Откуда ей знать, что я иронизирую?

– **В нату-у-уре**, – ответила она в тон [3]. Ср.:

"Du-ude," I lowed in a faux-fratboy tone, and wished to end my life there and then. How would she know it was not my natural manner of speaking?

"Totally," she answered in kind [2].

Автор мастерски сочетает, казалось бы, несочетаемое: типично-русскую устаревшую форму увещания «**полноте**» с британским акцентом; северо-американское гастрономическое блюдо *surf-n-turf*, в основе которого морепродукты и красное мясо, превращается в «**Дары моря**» – неизбежный атрибут российского ресторанного меню, которое, тем не менее подается во франшизе «**Руби Тьюсдэй**»; «*a tote bag*» при желании, конечно, можно трансформировать в русскую авоську, однако само сочетание *авоська* «**Барнс энд Ноубл**» – весьма красноречиво свидетельствует о культурном симбиозе, о котором мы писали выше. Наконец в последнем примере, автору удалось очень гармонично обыграть пародийный обмен слэнгизмами, принадлежащими разным языковым субкультурам.

Учитывая, что герои *Ground Up* обитают в «крайне конкретном месте (Манхэттен) и времени (2006–2007)» [3, С. 13], в романе встречается множество культурных реалий Нью-Йорка, в том числе десятки названий улиц и заведений. Абсолютное большинство из них были скрупулезно воссозданы и в переводе. Однако способы их передачи различны, что объясняется стремлением авторов перевода облегчить понимание текста для инокультурного реципиента. Так, вместо американской ресторанной франшизы *Johnny Rockets* в переводе используется название другой ресторанной сети, более знакомой русскоязычному читателю:

...товар наш был так же далек от обычного парк-слоуповского ассортимента дисков Ани Дифранко и потрепанных томиков «**Чего ожидать ожидающим**», как пятидесятидолларовый гамбургер Даниэля Булю с фуа-гра и трюфелями отличался от своего бедного родственника в «**Бургер-кинге**» [3]. Ср.:

...as distant a relative to your average Park Slope offering of pregnancy books and Lilith Fair CDs as Daniel Boulud's foie gras-and- truffle burger was to **Johnny Rocket's** [2].

В тексте наблюдается прием «параллельного подключения» (термин В. Кабакчи [11, С. 72]), когда вводимый ксеноним, незнакомый читателю, поясняется. При этом способы пояснения также могут быть различные. Например, в следующем примере толкование инокультурной реалии дается непосредственно в самом тексте: «Нашим единственным экскурсом в частное предпринимательство до того дня была так называемая *стун-сэйл*, распродажа с крыльца нашего дома» [3].

В более сложных случаях, когда, как пишет сам автор, приходилось сглаживать «самые острые углы» использовались «поучительные сноски», некоторые из которых, по признанию самого М. Идова «написаны несколько более задиристым слогом, чем тот, который предполагает традиция; зачастую в нагрузку к необходимой информации идет совершенно не обязательное авторское мнение» [3, С. 14].

Своеобразной формой параллельного подключения можно считать использование функционального аналога, вместо подробного толкования. Так, в следующем примере американские небольшие магазинчики – *bodegas* (которых очень много именно в Нью-Йорке) – соседствуют с русскими ларьками, о которых в оригинале речи не идет:

Это была более мягкая разновидность феномена Безымянного Бара, из-за которого юноши в костюмах-тройках уже не первый год царапались в двери закрытых **бодег и ларьков** по всему Нижнему Ист-Сайду [3]. Ср.:

A milder version, I gathered, of the Unmarked Bar phenomenon, which had youths in three-piece suits clawing at shuttered bodegas all over the East Village [2].

Подобная амплификация представляется нам весьма удачной. Дело в том, что как пишет сам автор, бodega – это «небольшой и, как правило, замызганный магазинчик, торгующий простыми сэндвичами, пивом, газетами, лотерейными билетами и т. д.» Включение в перевод функционального аналога нью-йоркской реалии позволило автору создать у своего русскоязычного читателя соответствующий ассоциативный фон, не прибегая при этом к подробным комментариям.

Важно подчеркнуть, что анализ перевода показывает, что его авторы не придерживались какой-то определенной переводческой стратегии. Наряду с явной форенизацией текста, в котором очень много иноязычных вкраплений, в переводе ощущается и противоположная тактика – максимально domestizieren отдельные элементы текста, тем самым, приблизив его к новому реципиенту. Так, в русской «Кофемолке» пиццерия (pizza-hut) – это бутербродная, крокеты (potato croquette) – картофельные котлеты, маффины (muffins) – рогалики, служащая департамента транспортных средств (DMV skerk) – гаишница, а аббревиатура FUBU (for us, by us) была виртуозно трансформирована в привычное для русского читателя «ООО» (Особо Обособленные Особы):

We were making art here, dammit. Insularity was the whole point. This was our FUBU – for us, by us [2]. Ср.:

Мы тут искусством занимаемся, черт подери. В обособленности – весь смысл этого бизнеса. Вот оно, наше ООО: Особо Обособленные Особы [3].

Причем domestizierung совершенно не обязательно применялась при передаче культурно-специфичных номинаций. Не будучи связанными ограничениями традиционного перевода, М. и Л. Идовы максимально эффективно используют русские разговорные варианты этикетных формул приветствия и прощания:

Покедова. Ср.: I'll be seeing you.

– *Здрасьте*, – сказал Влад, потянул носом и сплюнул в раковину.

– *Дрась*, – еще отрывистее поздоровался Пене [3]. Ср.:

"Hi, lady," said Wlad, snorted, and spat into the sink.

"Aye," said Pepe [2].

Блестящее знание обеих культур позволило автору сохранить в переводе заложенный в оригинале образ одного из героев, который вместо традиционного 'hi' употреблял менее распространенную форму 'hiya':

– *Физкультпривет*, – пропел Алекс и скакнул через порог поцеловать руку Нине. В свои двадцать девять лет он, скорее всего, был последним представителем нашего поколения, говорящим «*физкультпривет*» [3]. Ср.:

"Hiya guys," sang Alex, and lunged across the doorstep to kiss Nina's hand. At twenty-nine, he was likely the last person of his generation to use "hiya." [2]

Все эти, а также множество других примеров убедительно свидетельствуют о том, что перед нами одно из тех произведений, в котором «...культуры встречаются, взаимодействуют, но не сливаются, сохраняя свое право на "непрозрачность"» [12, С. 28].

Закключение

Итак, литературный транслингвизм может существовать в различных культурно-языковых конфигурациях. Это может быть творчество писателей-транслингвов, создающих произведения на неродном для них языке, но сохраняющих при этом собственную этно- и лингвокультурную идентичность. Своеобразной формой транслингвизма можно также считать авторский перевод (автоперевод), в котором также могут гармонично сочетаться языковые элементы, которые до этого существовали отдельно друг от друга в двух разных языковых системах. Авторский перевод, так же как и оригинальные транслингвальные художественные тексты, может находиться за границами сложившихся национальных культур, сочетая в себе элементы двух или более культурных контекстов, в результате чего рождается своеобразный культурный полилог.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Прошина З.Г. Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов (введение к тематическому выпуску журнала). / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2016. — 2 (50). — с. 6-9.
2. Idov M. Ground Up / M. Idov — New York: Farrar, Straus and Giroux, 2009. — 290 p.
3. Идов М. Кофемолка: роман / пер. с англ. М. Идова, Л. Идовой / М. Идов — М.: Астрель: corpus, 2010. — 415 с.
4. Ривлина А.А. Формирование глобального англо-местного билингвизма и усиление транслингвальной практики. / А.А. Ривлина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2016. — 2 (50). — с. 22-29.
5. Кабакчи В.В. Неисследованный вид переводческой деятельности: «Внутренний перевод». / В.В. Кабакчи // Studia Linguistica 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка; — СПб.: Тригон, 2000. — с. 65–75.
6. Набоков В.В. Другие берега / В.В. Набоков — М.: АСТ: CORPUS, 2022. — 320 с.
7. Nabokov V. Speak, Memory: an Autobiography Revisited / V. Nabokov — New York: Random House, Inc., 1989. — 316 p.

8. Хугаев И.С. О границах и критериях национальной транслингвальной литературы / И.С. Хугаев // Вестник Владикавказского научного центра. — 2013. — Т. 13 (№ 1). — с. 2-6.
9. Идов М. Михаил Идов о своем романе «Кофемолка» [Электронный ресурс] / М. Идов // АфишаDaily. — 2009. — URL: https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/archive/idov_kofemolka/. (дата обращения: 02.04.23)
10. Акопов А.И. Новый Вавилон. Очерк о Нью-Йорке [Электронный ресурс] / А.И. Акопов // Научно-культурологический журнал. — 2000. — URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1364&level1=main&level2=articles>. (дата обращения: 02.04.23)
11. Кабакчи В.В. Литератор между двух языков и культур. / В.В. Кабакчи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2016. — 2 (50). — с. 70-75.
12. Тлостанова М.В. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. Жить никогда, писать ниоткуда / М.В. Тлостанова — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 416 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Proshina Z.G. Problemy' i perspektivy' translingval'ny'x i transkul'turny'x kontaktov (vvedenie k tematicheskomu vy'pysku zhurnala) [Problems and Prospects of Translingual and Transcultural Contacts (Introduction to the Thematic Issue of the Journal)]. / Z.G. Proshina // Social'ny'e i gumanitarny'e nauki na Dal'nem Vostoke [Social Sciences and Humanities in the Far East]. — 2016. — 2 (50). — p. 6-9. [in Russian]
2. Idov M. Ground Up / M. Idov — New York: Farrar, Straus and Giroux, 2009. — 290 p.
3. Idov M. Kofemolka: roman / per. s ang. M. Idova, L. Idovoj [Ground Up: novel / transl. from Eng. by M. Idov, L. Idova] / M. Idov — M.: Astrel': corpus, 2010. — 415 p. [in Russian]
4. Rivlina A.A. Formirovanie global'nogo anglo-mestnogo bilingvizma i usilenie translingval'noj praktiki [The Formation of Global English-Local Bilingualism and the Strengthening of Translingual Practices]. / A.A. Rivlina // Social'ny'e i gumanitarny'e nauki na Dal'nem Vostoke [Social Sciences and Humanities in the Far East]. — 2016. — 2 (50). — p. 22-29. [in Russian]
5. Kabakchi V.V. Neissledovanny'j vid perevodcheskoj deyatel'nosti: «Vnutrennij perevod» [An Unexplored Type of Translation Activity: 'Internal Translation']. / V.V. Kabakchi // Studia Linguistica 9. Cognitive-pragmatic and Artistic Functions of Language; — SPb.: Trigon, 2000. — p. 65–75. [in Russian]
6. Nabokov V.V. Drugie berega [Other Shores] / V.V. Nabokov — M.: AST: CORPUS, 2022. — 320 p. [in Russian]
7. Nabokov V. Speak, Memory: an Autobiography Revisited / V. Nabokov — New York: Random House, Inc., 1989. — 316 p.
8. Khugaev I.S. O granitsakh i kriteriyakh natsionalnoi translingval'noi literaturi [On the Limits and Criteria of National Translingual Literature] / I.S. Khugaev // Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra [Bulletin of the Vladikavkaz Science Center]. — 2013. — Vol. 13 (№ 1). — p. 2-6. [in Russian]
9. Idov M. Mixail Idov o svoem romane «Kofemolka» [Mikhail Idov on His Novel 'Ground Up'] [Electronic source] / M. Idov // AfishaDaily. — 2009. — URL: https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/archive/idov_kofemolka/. (accessed: 02.04.23) [in Russian]
10. Akopov A.I. Novy'j Vavilon. Oчерк о N'yu-Jorke [The New Babylon. An Essay on New York City] [Electronic source] / A.I. Akopov // Scientific and Cultural Journal. — 2000. — URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1364&level1=main&level2=articles>. (accessed: 02.04.23) [in Russian]
11. Kabakchi V.V. Literator mezhdv dvuxazy'kov i kul'tur [A Writer Between Two Languages and Cultures]. / V.V. Kabakchi // Social'ny'e i gumanitarny'e nauki na Dal'nem Vostoke [Social Sciences and Humanities in the Far East]. — 2016. — 2 (50). — p. 70-75. [in Russian]
12. Tlostanova M.V. Postsovetskaya literatura i estetika transkul'turacii. Zhit' nikogda, pisat' niotkuda [Post-Soviet Literature and the Aesthetics of Transculturation. Living Never, Writing from Nowhere] / M.V. Tlostanova — M.: Editorial URSS, 2004. — 416 p. [in Russian]